

Эмилия Кадетова

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ НАЗЫМА

Мне представилась возможность выразить благодарность дорогому мне человеку – Вере Владимировне Туляковой-Хикмет, доценту кафедры ВГИК имени С. А. Герасимова, которая помогла поверить в себя и наполнить жизнь смыслом. Как говорила она: «Надо уметь объяснять, что с тобой происходит». Или «Ничего, всё получится». По сути, эти слова созвучны с наставлениями Серафима Саровского: «К сохранению душевного мира надо чаще входить в себя и спрашивать, где я». Вера Владимировна хорошо знала жизнь и была из тех редких педагогов, кто учит собой. Она трижды приезжала в Томск по линии Всесоюзного общества «Знание»: в рамках Межвузовского университета искусств читала лекции и показывала фильмы студентам по курсу «История отечественного и мирового кино».

Часто приходилось слышать от папы: «Учитесь жить среди людей». Наверное, крещёный атеист, он как-то по-особому молился, если на моём пути повстречалось столько хороших и достойных людей, у которых было чему поучиться. О Вере Владимировне хочется говорить самые тёплые и нежные слова. У неё был особый талант – с любовью и уважением относиться к тем, кого одаривала своей дружбой. Только поэтому я решила представить текст из поздравительной открытки с 8 Марта: «Дорогая, очень любимая и родная Милляша. Подмосковные снежные леса напоминают о Томске, и поэтому я часто, с нежностью думаю о Вас. Будьте веселы, удачливы и здоровы. Желаю Вам много сил и всего самого интересного в жизни. Целую, Ваша В. В.»

Моя бабушка в своих внуках души не чаяла, но мне, кудрявой девчонке, говорила: «Не ходи косматой, не смейся людей». В деревенской культуре не принято было открыто любить и хвалить своих детей. Быть приглашенной, жить «серёдка на половинку» закрепилось во мне надолго. Расположение Веры Владимировны меняло меня изнутри, повышало самооценку, хотелось равняться на неё во всём, подражать мягкой, певучей речи. На что она, по ходу нашего разговора, как-то заметила, что «в творческой профессии мы все проходим через подражание, но без своего голоса в ней состояться будет трудно». Был повод задуматься, эмоционально пережить и не раз столкнуться в жизни с такими понятиями, как: «своим голосом», «не своим голосом», «в поиске своего голоса». Насчёт своего не знаю, но другие голоса, с помощью лучших образцов искусства, научилась отличать.

Вера Владимировна умела настроить на успех. К своим студентам относилась, как к родным детям. С двумя из них, яркими и особо одарёнными, я была знакома – это Пётр Луцик и Алексей Саморядов. Они работали в паре, писали сценарии, снимали фильмы: «Окраина», «Лимита», «Дюба-дюба», «Праздник саранчи», «Дикое поле». Ведущий мотив их творчества в новой перестроечной жизни, враждебной и криминальной – дружба превыше всего, «лучше умереть, чем предать своих», честь, совесть и человечность дороже денег, выше

любых авторитетов. Такой позиции придерживалась и Вера Владимировна. Она ими гордилась, радовалась, когда они получали высокие награды – «Золотой Овен» и другие призы на разных кинофестивалях. Их ранний уход из жизни – в 31 год трагически погибает Л. Саморядов, в 40 лет отказывает сердце П. Луцика – для неё был очень тяжёлым и болезненным.

Ещё об одном своём ученике рассказывала Вера Владимировна – Георгии Шевкунове, в настоящее время митрополите Тихоне, епископе Русской Православной Церкви. После окончания сценарного факультета ВГИКа в 1982 году он неожиданно для всех уходит в Псково-Печерский монастырь. Она дважды ездила к нему, с попыткой вернуть в профессию, но безуспешно. «Ему там хорошо», – сказала она. Именно он, тогда наместник Сретенского монастыря Тихон, по просьбе Веры Владимировны, исповедовал, причащал, отпевал и провожал её в последний путь.

В своей книге «Несвятые святые» митрополит Тихон пишет о совпадениях в жизни. Вот по такому сценарию, кем-то написанному, произошло совпадение в жизни ученика и учителя. Совпали в одном лице кинематографист и священнослужитель: у митрополита Тихона несколько документальных фильмов. Из них 18 серий документально-публицистических от первого лица – «Гибель Империи. Русский урок» – своя версия краха Византийской Империи. Не секрет, что митрополит Тихон – духовник Президента В. В. Путина.

В книге «Последний разговор с Назымом» Вера Владимировна поделилась с большой теплотой и любовью о главном событии в своей жизни – счастливой общей судьбе с великим Назымом Хикметом (1902–1963) – турецким поэтом, писателем, драматургом и общественным деятелем, лауреатом Международной премии Мира, члене Бюро и Президиума Всемирного Совета Мира.

При первой встрече в 1983 году в Томске в обществе «Знание» Вера Владимировна подарила мне комплект из двенадцати фотооткрыток и книгу, посвящённую Назыму Хикмету. Автор монографии – Акпер Бабаев, переводчик на русский язык всех его произведений. Книгу я прочитала, но в то время понять и оценить по достоинству такую личность с потрясающей судьбой не смогла. Не доросла. Но четверостишие знала и понимала, о чём:

*Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет тьму?*

Это вдохновенное стихотворение написано в Москве в 1921 году, и тогда было революционным воззванием. Оно и сейчас звучит свежо.

Сорок лет спустя я доросла, чтобы открыть для себя действительно великого человека – Назыма Хикмета, для которого Вера Владимировна была «русской любовью», «лебединой песнью», «миленькой моей».

Из его биографии известно, что он родился в Салониках, где его дед был губернатором. В 17 лет порывает со своим аристократическим классом и в 19 приезжает учиться в Москву революции и поэзии. Здесь вышла книжка его стихов «Песня пьющих солнце». Возвратился в Турцию коммунистом. Там его

ожидала народная слава поэта и 17 лет тюрьмы с перерывами. В 1951 году Назым Хикмет прибывает в Москву. Отношение к СССР в Турции тех времён было настороженным, а к коммунистам враждебным.

О нём написано много книг при жизни и после смерти. Он сам написал свою биографию. Вот несколько отрывков из неё (перевод Б. Слуцкого).

* * *

*Свой хлеб, слава богу,
зарабатываю только своим горбом.
Врал, потому что стыдился за другого,
врал, чтобы не обидеть другого,
врал иногда и без всякой причины.*

* * *

*Печатаюсь на тридцати-сорока языках,
в тридцати-сорока странах,
в моей Турции
по-турецки
печатать меня запрещено.*

* * *

*Министром не буду,
собственно говоря, и не хочется,
никогда не бегал от пикирующего самолёта,
но зато влюбился шестидесяти лет отроду.
Короче говоря, товарищи,
Если сегодня я подыхаю, как собака, от разлуки,
Зато я жил, как человек.*

Из воспоминаний Назыма: «Я написал одну пьесу в тюрьме – «Легенда о любви». Тогда я молодой был и сам никогда так не любил, как мои герои. Теперь со мной случилась такая же вещь. Я влюбился как чёрт. Здесь у вас это называется лебединой песней. Это последнее, что может сделать моё сердце. В тюрьме я мечтал, мечтал, рисовал перед глазами одну женщину, и вот она вдруг встретилась. Такая женщина, как она, не единственная в мире, но встретилась из них вот она, Вера. И, вы знаете, она очень похожа на женщин моей семьи. Увидел и пропал. Все женщины потеряли для меня свои женские черты. Больше я их не видел».

Назым подарил своей Вере всё, что обещал. И весь мир тоже. Он открыл для «миленькой» своей много городов, много стран, свою страну.

В конце 50-х Вера Владимировна удивила парижан тем, что не умела водить автомобиль. Женщина за рулём в то время во Франции – обычное дело. Как только приехала в Москву, сразу же пошла на курсы водителей. Машину, как бы теперь сказали, водила классно – закрыл глаза и нетрудно представить домашние кресла и мирную беседу.

На фотографиях, где они вместе с Назымом, можно увидеть на ней платок.

Она любила носить платки – зимой шерстяные павлово-посадские, летом шёлковые. Она говорила, что её часто останавливал дорожный патруль, и совсем не из-за нарушений правил дорожного движения, а из любопытства. Даже в восьмидесятые годы у нас в стране нечасто можно было встретить женщину за рулём, а тут ещё в платке, иногда в тёмных очках. Она говорила, что когда ездила по России в поисках талантливой молодёжи для своего курса, ей нравилось общаться с простыми людьми, особенно с женщинами в возрасте. Если она шла по улице и видела, что на лавочке сидят женщины в платочках, то подсаживалась к ним, чтобы просто поговорить.

В своей книге Вера Владимировна вспоминает легендарных людей в самой бытовой обстановке: Маяковский, Зощенко, Пабло Неруда, Твардовский, Шолохов, Шостакович, Симонов, Фадеев, Светлов. Много поведано из жизни столичных литераторов, художников, режиссёров, сценаристов и обычных людей. Одним из обычных людей была и я.

Вера Владимировна ничего не меняла после ухода Назыма. Её квартира – настоящий музей: картины импрессионистов, Матисса, Пикассо, русских и советских художников, сувениры из разных стран, гипсовый бюст Веры Владимировны, выполненный Ильёй Глазуновым, большой обеденный стол, застеленный белой скатертью. В свой день рождения Назым на этот стол каждому гостю клал подарок и говорил жене: «Это моя благодарность за то, что они есть у меня».

Ещё одно стихотворение, посвящённое Вере Владимировне (перевод Б. Слуцкого).

*Самое лучшее море:
то, где ещё не плавал.
Самый лучший ребёнок:
Тот, что ещё не вырос,
Самые лучшие дни нашей жизни:
Те, что ещё не прожиты.
И самое прекрасное из сказанных слов:
То, что я ещё не сказал...*

«Однажды в троллейбусе, – вспоминает Вера Владимировна, – громко признался мне в любви: «О-хо-хо, товарищи, вы не можете себе представить, как я серьёзно люблю эту баба...»

Разница в возрасте этой замечательной пары – 30 лет. Вдовой Вера Владимировна осталась в 30 лет с маленькой дочкой Аней от первого брака, сейчас Аня профессор, преподаватель ГИТИСа.

Современники отмечали редкую красоту Назыма. Константин Симонов так о нём пишет: «Это высокий, красивый рыжеволосый человек, с голубыми глазами и точёным лицом». Вера Владимировна, как я её помню, – яркий тип русской женщины – статная, светловолосая, белокожая, с правильными чертами лица. О таких говорят: «Умная и красивая». На фото видно, насколько они оба красивы, а разница в возрасте придаёт им только ещё большую привлекательность.

Назым готовил Веру Владимировну к своему уходу, оговаривал разные его варианты. Из письма к своей матери: «Ах, мама, мама, если бы ты знала, что я испытал в конце своей жизни! Самую сложную ревность на свете, ревность к будущему моей любимой без меня». Ответ матери, Айше Джелиле: «Ты поэт, Назым, тебе положено мучиться, чтобы писать стихи, так уж пусть это будет от любви». Вере Владимировне не хотелось говорить на тему его смерти, но про себя всегда думала, что «ни за кого больше замуж не выйду». Зарок, данный себе, стал равносильным клятве Назыму.

Оба похоронены в Москве на Новодевичьем кладбище. Памятник Назыму Хикмету – мраморная глыба в человеческий рост, на котором он изображён идущим. Справа, на надгробии, другой памятник – Туляковой Вере Владимировне – небольшой, овальной формы мраморный камень, словно сколок с памятника Назыма, на котором написано имя его «русской любви» – VERA.

Вместе они успели написать две пьесы: «Два упрянца» (1959) и «Слепой падишах» (1963). По сценариям Назыма Хикмета в СССР были сняты фильмы: «Двое из одного квартала» (1957), «Влюблённое облако» (1959), «Мир дому твоему» (1963) и балет «Легенда о любви» (1961) – музыка А. Меликова, постановка Ю. Григоровича. Книга Веры Владимировны «Последний разговор с Назымом» трижды издавалась в Турции, в 2007 году в России.

В 2009 году власти Турции приняли решение о возвращении гражданства Назыму Хикмету. В 2022 году в Москве почтили память великого поэта, которому исполнилось 120 лет со дня рождения. На мероприятии вместе с портретом поэта были выставлены его личные вещи и вещи его жены Веры – шляпа, перчатки, пишущая машинка.

Вот как пишет об этом дочь Веры Владимировны Анна Степанова: «Назым Хикмет – это такой турецкий Пушкин. Он оставил после себя сотни стихотворений, заложил основы современной турецкой поэзии и вдохновил целое поколение молодых талантливых поэтов. Творчество Хикмета – это культурный и литературный мост между двумя странами: Турцией и Россией».